

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ИДЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОРЯДКА ЗАДЕРЖАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Е. ТЕЛИУС,
соискатель Национальной академии прокуратуры Украины

SUMMARY

The article is dedicated to the detention institution researching in the criminal procedure on the modern Ukraine's territory, namely Kievan Rus' period. The earliest written legislative acts are being analyzed. The regulations of the former reveal the occurrence reasons of the aforementioned institution in criminal procedure and the application order of it. The basic, fundamental ideas of the proper detention procedure are determined. The attention is focused on the detention application necessity in the parallel with the others methods to ensure participation of a person in the court. The subsequent development tendencies of detention order in the criminal procedure are indicated within the legislative frame.

Key words: history, criminal procedure, detention, detention causes, order of application, fundamental ideas, adjacent methods to ensure the participation of a person in the criminal procedure.

* * *

Статья посвящена исследованию института задержания в уголовном производстве на территории современной Украины, а именно во времена Киевской Руси. Анализируются первые письменные законодательные акты, нормы которых, показывают причины возникновения данного института в уголовном процессе, а также порядок его применения. Определяются первые основополагающие идеи относительно того, как должно происходить задержание лица. Акцентируется внимание на необходимости применения задержания параллельно с другими способами обеспечения участия лиц в суде. Дается общая характеристика института задержания. Указываются дальнейшие тенденции развития, на законодательном уровне, порядка задержания в уголовном производстве.

Ключевые слова: история, уголовный процесс, задержание, причины возникновения, порядок применения, основополагающие идеи, смежные способы обеспечения участия лиц в уголовном производстве.

Постановка проблемы. Участие лиц в уголовном производстве, а именно тех, относительно которых оно ведется (подозреваемых по Уголовному процессуальному кодексу Украины), является обязательным. Реализация данной нормы в уголовном процессе Украины может осуществляться через институт задержания, который, в связи проведением в Украине реформы в области уголовного правосудия, претерпел изменения. Одним из способов определения, насколько эти изменения удачны и в каком направлении необходимо двигаться дальше, для его усовершенствования, являются исследование исторического порядка проведения задержания в уголовном производстве, что даст возможность сформировать те основополагающие начала (идеи), что сопровождали данный институт с момента начала его применения в уголовном производстве и сопутствовали ему долгие годы, то есть, введение которых способствовало развитию понятия относительно порядка задержания в уголовном производстве.

В силу того, что институт задержания в уголовном процессе относится к мерам обеспечения уголовного производства, данный вопрос был предметом исследования многих отечественных и зарубежных специалистов в области уголовного правосудия, среди которых стоит отметить Н. А. Громова, Л. М. Лобойко, П. А. Лупинскую, В. Т. Маляренко, А. Р. Михайленко, В. И. Радченко, С. В. Слинко, А. Б. Соловьева, А. Я. Сухарева, О. Ю. Татарова, В. М. Тертышника, А. С. Шаталова, В. И. Шитова и многих других.

Целью статьи является определение основополагающих идей относительно порядка задержания в уголовном производстве на основании исследования первых письменных законодательных актов на территории современной Украины, а именно во времена Киевской Руси, которое покажет причины возникновения данного института, первый порядок его применения и дальнейшую тенденцию развития.

Изложение основного материала исследования. О необходимости

начала исследования различных институтов отечественного уголовного процессуального законодательства с истории становления такой деятельности, свидетельствует то, что знание государственной властью особенностей собственной нации является одним из средств эффективного, постепенного, национального развития того общества, в отношении которого оно осуществляет руководящую роль [1, с. 1].

Относительно первых сведений о задержании на территории современной Украины, то согласно исследова-

нию И.Д. Беляева, еще по ст. 5 Договора Руси с Византией 911 года предусматривалась возможность задержать лицо, совершившее кражу, для передачи на суд. Однако если это лицо не сопротивляется [2, с. 68-69, 83].

В дальнейшем законодательные сведения о возможности задержать лицо, отражаются в Договоре Руси с Византией, но уже 944 года, а именно: 1) ст. 2 данного Договора предусматривалась возможность задержать лиц (жителей Руси), которые прибыли в Византию без соответствующих документов, для выяснения вопроса о цели их приезда; 2) ст. 13 этого Договора предусматривалось возможность жителями Руси задержать грека, который совершил убийство, для передачи его под суд и наказание Византии [3, с. 37, 49].

При этом по ст. 13 Договора Руси с Византией 944 года цель такого задержания заключалась в том, что до решения суда относительно виновности или невиновности такого лица преступник должен был воздерживаться от встречи с «ближних убиенного» [4, с. 65]. Относительно сведений о порядке такого задержания, то, такого преступника, если он не сопротивляется, связывали и бросали в темницу [5, с. 174].

На основании этого можно сделать вывод о том, что задержание в уголовном производстве является одним из

старейших институтов в уголовном процессе, поскольку упоминания о нем относятся еще к первым письменным источникам права на Руси.

Следующими упоминаниями на Руси о задержании являются времена действия Русской Правды, которая была представлена тремя редакциями – Краткая, Пространная, Сокращенная [3, с. 74].

Так, в ст. 38 Русской Правды Краткой редакции, которая в то время регулировала порядок уголовного судопроизводства на Руси [2, с. 232], содержалась норма о возможности задержать лицо на месте совершения преступления для передачи ее утром в суд на княжеском дворе: «Если убьют вора на своём дворе или в доме или у хлеба, то так тому и бить; если же додержали (его) до рассвета, то отвести на княжеский двор; а если же (его) убьют и люди видели (его) связанным, то платить за него» [3, с. 84], о чем также отмечается И.Д. Беляевым [2, с. 237, 240] и П. Чеглоковым: «Утром на княжий двор приводили „ночного тятя“» [6, с. 12].

Анализ данной нормы и взглядов исследователей позволяет сделать вывод о том, что задержание в те времена должно длиться короткое время, поскольку уже утром задержанный должен был быть представлен в суде, где и проходило рассмотрение дела по существу. При этом как отмечают другие исследователи этого законодательного акта, задержание характеризовалось тем, что: «убивать преступника, который добровольно сдался, нельзя» [7, с. 62].

Аналогичная норма предусмотрена и ст. 40 Русской Правды Пространной редакции [3, с. 126], согласно которой, если преступника удалось задержать, он подлежал уголовной ответственности в общем порядке [7, с. 98].

Таким образом, можно увидеть, что тенденция развития законодательства периода действия Русской Правды, относительно возможности задержать лицо, продолжилась, о чем по крайней мере свидетельствует то, что в данном источнике права продолжили отображаться нормы относительно задержания. И несмотря на то, что они существенно не изменились, поскольку новые нормы о порядке задержания отсутствуют, а задержанию подлежало только

лицо, которое не сопротивлялось, положительным моментом того периода является то, что задержание должно было длиться «кратчайший» срок, после чего задержанный должен обязательно быть передан в суд для рассмотрения дела относительно него по сути.

При исследовании становления института задержания, следует остановиться и на Новгородской Судной грамоте [7, с. 304-308], которую считают важным документом древнерусского права XV века, поскольку она является первым правовым кодексом на территории Руси, последняя редакция которого датирована 1471 годом [8, с. 210-211], в котором содержится много норм о задержании и порядке его проведения.

В частности, по ст. 36 Новгородской Судной грамоты: «Если истец поклялся, что определенное лицо является вором, разбойником, грабителем, поджигателем, убийцей, что было официальным обвинением лица в данных преступлениях, и, в связи с этим, началом уголовного преследования, такое лицо могло быть задержано и доставлено в суд „владычным“ или „сельским приказчиком“». При этом запрещалось до суда над таким задержанным обвиняемым совершать насилие [8, с. 225, 241].

Как разъясняет эту норму И. Д. Беляев [2, с. 347, 367-368] и другие ученые [7, с. 318-320], обязательным условием задержания было официальное обвинение истцом перед судьей, в форме присяги, в том, что данное лицо совершило кражу, убийство, разбой, грабёж. После чего судья отправлял местной власти или лицу, у которого находился ответчик, требование об обеспечении участия этого ответчика в установленный срок в суд, с учетом – три недели на сто верст. Если же ответчик по первому вызову не явился в суд, то на пятый день после окончания установленного срока явки, выдавалась «позывная» грамота или грамота на «виновного» (ответчика). С данной грамотой истец направлялся к ответчику, и зачитал ее ему, однако уже не давал никакого срока для явки в суд, а прямо вел его туда. При этом истец не должен был пытаться и бить ответчика при доставке в суд, тогда как ответчик не должен был сопротивляться истцу.

Как объясняется некоторыми исследователями, такая принудительная доставка ответчика считалась его задержанием [8, с. 243].

Что касается более подробной информации о порядке задержания в Новгороде, существуют сведения о том, что грамота, которая позволяла задержать ответчика, называлась также «обѣтною» [9, с. 133]. Выдавалась она тогда, когда ответчик, в случае законного «позову» (вызова), не явился в суд по первому вызову. Получив такую «обѣтну» грамоту, истец мог задержать ответчика и доставить его в суд [9, с. 4; 7, с. 318-320].

Однако из данного правила задержания следует сделать одно исключение, которое заключается в том, что по ст. 16 Новгородской судной грамоты, вдовы «знатных» людей освобождались от обязанности личной явки в суд [7, с. 314], поскольку присягали дома, в присутствии истца и новгородского пристава, в том, что они не делали тех действий, в которых их официально обвиняет истец [8, с. 221].

То есть, это может свидетельствовать о том, что в те времена нельзя было задерживать женщин. Ведь они вообще освобождались от обязательной явки в суд, даже если их официально обвиняли.

Однако интересные особенности порядка задержания лиц во времена действия Новгородской Судной грамоты раскрывает А.П. Куницын [9, с. 98]. Так, в Новгороде начало разделяется проведения судебного рассмотрения и следствия. Задачей следствия стал поиск следов преступления и сбор доказательств. Данные действия могли производиться как самим судьей, так и истцом, а иногда специальным должностным лицом. В частности, таким специальным должностным лицом стал «следователь», в полномочия которого входило установление «подлинности» самого дела и собиравание доказательств виновности определенного лица. В связи с этим: «Если обвиняемый сам признавался, или утверждал падшее на него подозрѣние стараниемъ укрыться отъ преслѣдования, то слѣдователь могъ задержать его и представить на судъ для отвѣта. Но виновникъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть задержанъ, если представлялъ за себя надежныхъ

поручителей въ томъ, что в назначенный срокъ явится на судъ для отвѣта».

В данном случае следует обратить внимание на то, что развитие порядка задержания привело к тому, что ему начинает предшествовать институт поручительства. То есть ответчик не подлежал задержанию, если представит человека, который поручался за него в том, что он вовремя явится в суд, по делу в котором его вызывают.

Данный вывод, а именно то, что задержанию начинает предшествовать институт поручительства, подтверждается описанный «Судъ Юанна III Васильевича, происходившій въ Новгородѣ 1476 года надъ явными грабителями, описанный въ Софійскомъ Временникѣ, Ч. II, 168-171» [9, с. 139-141], в котором указывалось: «И начать судити ихъ, и судивъ ихъ и обыскавъ, да жалобниковъ отправилъ, а тѣхъ вспѣхъ, кои находили и били и грабили, обвинилъ. И велѣлъ Князь В. Василья Онаньина, Богдана Есипова, Ѳедора Сакова, Ивана Лошинскаго поймати. И взяли ихъ дѣти Боярскіе, Василья Онаньина, Богдана Есипова, Ѳедора Сакова, Ивана Лошинскаго. А товарищевъ ихъ всѣхъ велѣлъ Князь В. Своимъ Приставомъ подавати на поруки на крѣпкіе, въ полуторѣ тысячѣ рубляхъ въ истцовыхъ, да въ своей винѣ безъ урока, и взялъ ихъ за себя Архіепископъ» [9, с. 140].

Следует отметить, что такое становление порядка задержания, а именно предшествование ему поручительства, было настолько актуальным, что дальнейшее законодательство относительно задержания продолжает развиваться в данном направлении. Ведь как указывал А.П. Куницын, по Новгородской Судной грамоте не позволялось задерживать и раба, скрывающегося у своего владельца. При таких обстоятельствах на владельца возлагалась обязанность самостоятельно обеспечить присутствие своих рабов на суде. В случае невыполнения этого на владельца накладывался штраф [9, с. 99].

То есть, рядом с институтами задержания и поручительства начинает развиваться институт обязательного поручительства. При этом, как покажет дальнейшее исследование, все они будут непременно переплетаться между собой в течение многих веков.

Однако развитие института задержания в те времена, как опять-таки, покажет дальнейшее исследование, характеризовался и отрицательными моментами, а именно тем, что задержание будет ассоциироваться с содержанием под стражей. Ведь в течение длительного периода времени, там, где не будет поручителей, задержанный, как правило, не отпускался до окончания рассмотрения дела по существу. То есть само задержание по своей сути плавно переходило в содержания под стражей, поскольку на законодательном уровне и в практической жизни данные институты между собой не отличались.

Что же касается другого аналогичного источника права того периода на Руси, которым является Псковская Судная грамота, то в начале укажем, что после Русской Правды, Псковская Судная грамота на протяжении трех столетий – наиболее полный и разносторонний кодекс древнерусского права [10, с. 1, 4], в котором также судебное разбирательство отделялось от расследования, что имело свои собственные задачи, одной из которых было выявление преступника путем его задержания [11, с. 57-58].

Относительно порядка задержания, то Псковская судная грамота [7, с. 331-341]: 1) ст. 25 предусматривала норму: «если тот, кто вызван повесткой, не выполнит своей обязанности по явке в суд, то на пятый день после сообщения о вызове судебным исполнителям выдавали грамоту распоряжению о принудительной доставке в суд – арест уклоняющегося от суда ответчика» [8, с. 306, 345]; 2) ст. 26 предусматривала норму, по которой, любая сторона, что взяла грамоту о принудительном приводе другой стороны, задержав ее, не должна этого человека пытаться, бить, а обязана привести его в суд. Вместе с тем, задержанный также не должен сопротивляться лицу, которое доставляет его в суд [8, с. 307, 345]. То была направлена, во время задержания и доставки, на невозможность истцом совершения с ответчиком самосуда [7, с. 357; 10, с. 58-59]: «А кто возмет грамоту на своего исца, и оно ограмочму поймав по грамоте не мучит, не бить, поставить пред господою; а ограмочному против своего Иса ни битися, ни колотися, а толко имет сечися, или ко-

лотися, да учинит головшину, ино быти ему самому в головшине» [7, с. 334].

При этом, разрешение на принудительную доставку в суд называлось «Грамотой» или «Грамота на виноватого», а сама доставка могла быть осуществлена как самим истцом, так и приставом (человек князя, псковский чиновник, или обычный житель Пскова).

Определяя причины отражения в Псковской Судной грамоте норм относительно порядка задержания, укажем, что связывалось это с тем, что случаи, когда ответчик пытался уклониться от суда, были очень частыми [7, с. 357].

По Псковской Судной грамоте не оставались без внимания и основания задержания, которыми считались возможные уклонения обвиняемого от встречи с истцом и от ознакомления с вызовом в суд [10, с. 58-59], или как указывает А.П. Куницын: «падшее на него подозрѣние стараниемъ укрыться отъ преслѣдования» [9, с. 98].

При этом такой порядок задержания имел исключения из общего правила, а именно случаи, когда ответчик находился на чужой земле или в другом городе, поскольку задержание при таких обстоятельствах можно было проводить только при содействии местных властей, где находился ответчик: «В их местного посадника брался отрок, с помощью которого и можно было связать лицо» [12, с. 89].

Характеризуя тенденцию развития законодательства относительно института задержания по Псковской судной грамоте, то следует указать, что по своей сути она почти идентична порядку задержания по Новгородской судной грамоте. Ведь все фундаментальные положения относительно задержания по Новгородской судной грамоте аналогичны отражению и в Псковской судной грамоте. В связи с этим есть основания полагать, что первого, наибольшего развития законодательство относительно института задержания приобрело в Новгородской судной грамоте. При этом данные нормы были настолько удачными, что идеи, отображенные ими, отражались и в последующих законодательных актах.

Важным при исследовании задержания института задержания является также Белозерская уставная грамота

[13, с. 192-195; 14, с. 170-174], датированная 1488 годом [15, с. 27; 14, с. 170, 208; 16, с. 257; 4, с. 244], важное значение которой в истории древнерусского законодательства объясняется тем, что показывает связь старого порядка уголовного правосудия, а именно по Русской Правде, с новым порядком – по Судебникам [2, с. 372, 376; 11, с. 55]. При этом Белозерская уставная грамота является одним из завершающих этапов кодификации древнерусского права перед Судебниками [13, с. 192; 14, с. 209], в связи с чем по своему содержанию близка к данному источнику древнерусского права [4, с. 246].

Относительно исследуемого института, то: 1) ст. 13 Белозерской уставной грамоты предполагалось, что тот, кто задержал преступника и отпустил его, не представив в суд, платил штраф. Кроме того, штраф платился и в случае «самосуда» над задержанным [2, с. 376; 14, с. 172, 214].

Цель отображения данной нормы заключалась в том, чтобы каждый преступник не оставался безнаказанным, а был доставлен в суд, во время чего совершать противоправные действия в отношении задержанного тем, кто задерживает и доставляет, запрещается [13, с. 194, 198; 14, с. 214-215]; 2) согласно ст. 14 Белозерской уставной грамоты, правом задерживать преступника наделялась каждое лицо местности, где проходил розыск этого лица. В случае задержания преступника, его необходимо было выдать власти [13, с. 194, 198; 14, с. 172-173, 215].

Анализируя данные нормы, можно прийти к выводу, что начиная с этого времени, задержание в ходе уголовного преследования преступников, приобретает широкие масштабы. В связи с этим есть основания считать, что с этого периода времени начинается вторая волна развития законодательства относительно исследуемого института, которая будет характеризоваться тем, что порядок задержания будет уже зависеть от категории дела, которые в те времена начинают делиться на розыскные – по особо опасным делам, и по судебным делам – все остальные уголовные производства.

Выводы. Подытоживая развитие законодательства на Руси относительно задержания в уголовном производ-

стве, следует указать, что основополагающими идеями первого его порядка применения были: 1) задержание было возможно только после начала официального уголовного преследования; 2) задержание возможно было только после того, как лицу стало известно, что в отношении него выдвинуто официальное обвинение в совершении преступления; 3) задержание было возможно только на основании разрешения суда; 4) при задержании запрещалось совершать насилие в отношении такого лица; 5) в намерениях задержания – достижения определенной цели, а именно участия лица в суде; 6) основанием задержания были предотвращение попытки ответчика уклониться от уголовного преследования. При этом интересным моментом, который тогда отображался на законодательном уровне, был запрет не только совершать насилие над лицом, которое задерживали, но и самому задержанному сопротивляться тому, кто его задерживает.

Список использованной литературы:

1. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков): сочинение Николая Ланге. – СПб., 1884. – 249 с.
2. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / Беляев И. Д. – М. : Типо-Лит. С.А. Петровского и Н.П. Панина, 1879. – 728 с.
3. Памятники русского права: Памятники права Киевского государства X – XII вв. / под ред. Юшкова С. В. – М. : Госюриздат. – Выпуск 1. – 1952. – 287 с.
4. Филиппов А. Н. Учебник истории русского права (пособие к лекциям). – Юрьев: Печатано в типографии К. Маттисена, 1907. – 732 с.
5. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Сочинение И. Ф. Г. Эверса / Перевелъ с Нѣмецкаго Иванъ Платоновъ – САНКТПЕТЕРБУРГЪ: Печатано въ Типографіи Штаба Отдѣльно Корпуса Внутренней Стражи, 1835. – 424 с.
6. Чеглоков П. Обь органхъ судебной власти в Россіи от основанія государства до вступленія на престоль

Алексѣ Михайловича / Чеглоков П. – Казань: Изданіе книгопродавца Ивана Дубовина, 1855. – 104 с.

7. Российское законодательство X-XX в. в 9 томах: Законодательство Древней Руси Том 1 / отв. редактор Чистяков О. И. – М. : Юрид. литер., 1984. – 432 с.

8. Памятники русского права: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв / под ред. Юшкова С. В. – М. : Госюриздат. – Выпуск 2. – 1953. – 443 с.

9. Куницын А. П. Историческое изображение древняго судопроизводства въ Россіи / Куницын А. П. – С.-П. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1843 – 151 с.

10. Алексеев Ю. Г. Псковская судебная грамота и её время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. / под ред. Н. Е. Носова. – Л. : Наука, 1980. – 242 с.

11. Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. – М. : Спарк, 2002. – 704 с.

12. Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства / По лекціямъ проф. М. Дяконова. – Изданіе студентов Юридическаго Факультета Юрьевскаго Университета. Юрьев. Типографія Эд. Бергмана, 1905. – 139 с.

13. Российское законодательство X-XX в.в. 9 томах: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Том 2 / отв. редактор Чистяков О. И. – М. : Юрид. литер., 1985. – 520 с.

14. Памятники русского права: Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV-XV в.в. / под ред. проф. Л. В. Черепнина – Москва: Государственное издательство юридической литературы. – Выпуск 3. – 1955. – 529 с.

15. Демченко Г. В. Изъ истории судопроизводства въ древней Россіи / Демченко Г. В. – Варшава : Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, 1909. – 63 с.

16. Владимирский-Будянский М. Ф. Обзор Истории русского права. – М., 2005 – 800 с.